

В. В. Кулачков

Восприятие деятельности кооперативных организаций крестьянством Западного региона России в 1920-е гг.

Рассмотрение развития крестьянства Западного региона России в период 1920-х гг. невозможно без учета отношения к кооперации, так как ей отводилась особая роль в восстановлении, укреплении и развитии крестьянских хозяйств. В связи с этим взгляды крестьянства, связанные с отношением к кооперативным организациям, особенно важны и актуальны. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей восприятия крестьянством Западного региона России 1920-х гг. деятельности кооперативных организаций. Традиционно к Западному региону относят Брянскую (1920–1929), Смоленскую (1708–1929) и Калужскую (1796–1929) губернии. Постановлением Президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. губернии были полностью ликвидированы и вышеуказанные регионы вошли в состав Западной области.

Перед непосредственным рассмотрением крестьянского восприятия кооперации необходимо кратко остановиться на историографии вопроса. Следует отметить, что в 1920-е гг. на эту тему было написано недостаточно работ. Например, в 1925 г. были опубликованы сборник «Кооперация в Бежице» и труд П. Еременко «Новозыбковский уезд»¹. В послевоенный период определенное внимание кооперации уделялось в публикациях, посвященных партийной борьбе и строительству местного хозяйства². В дальнейшем, на современном этапе, к юбилеям кооперативного движения были изданы сборники публицистического плана³, некоторое внимание развитию кооперации было уделено в диссертации И. В. Малашенко⁴. В 2012 г. появилась диссертация В. А. Покида, посвященная развитию потребительской кооперации на территории Брянской губернии в 1917–1929 гг.⁵ Таким образом, развитие кооперативных организаций и отношение к ним разных групп на-

**Кулачков Вадим
Витальевич,**
кандидат
исторических наук,
Брянская
государственная
инженерно-
технологическая
академия
(Брянск, Россия)

селения в большинстве работ освещалось фрагментарно и эпизодически, за исключением комплексной работы В. А. Покида.

В постреволюционный период, несмотря на отдельные эффективные примеры в работе кооперации, постепенно шло ее превращение в часть государственной системы. Например, в письмах крестьян в «Крестьянскую газету» встречались примеры успешной деятельности кооперативных организаций, работающих с дореволюционных времен. Такой иллюстрацией может служить письмо крестьянки П. Суторминой (Смоленская губерния, Сычевский уезд, дер. Сутормина, 1924 г.). Автор рассказывала об успешной работе Суторминского сельскохозяйственного товарищества, работающего с 1912 г., и перечисляла, что сделано: «товарищество сбывает от крестьян лен, масло, свинину; снабжает крестьян сельскохозяйственными орудиями; имеет 13 прокатных и зерноочистительных пунктов, где находятся все заграничные орудия; случные бычьи, конные, свиные пункты». Кроме того, автор письма отмечала достижения в культурно-просветительной сфере: «народный дом, где каждое воскресенье собираются и молодежь, и старики, и женщины... Работает библиотека с огромным количеством книг, выписываются 15 экземпляров газет и журналов — “Безбожник”, “Крестьянская газета”, “Смоленская деревня”, “Правда”, “Известия”, журналы “Крестьянка” и “Юный пионер”. Товарищество имеет 4 подшефные школы, снабжает книгами, перьями, карандашами, справляет мелкий ремонт». В конце письма автор призывала идти в кооперацию, особенно женщин⁶.

1920-е гг. характеризуются усилением женской общественной активности, что нашло свое отражение и в кооперативном движении. На всероссийском уровне четко осознавалась необходимость участия женщин в кооперации. Так, в архивных материалах Центрального кооперативного совета сохранилась информация о работе по вовлечению женщин в кооперацию. 20 февраля 1926 г. было издано указание, что «международный женский день в системе молочной кооперации должен быть днем смотра ее достижений в работе по вовлечению крестьянок»⁷. В инструкции Брянского губкома по перевыборам за 1925 г. содержатся указания о том, что «необходимо выдвигать работниц и крестьянок в выборные контрольные органы и аппараты потребительской кооперации»⁸. Разрабатывались пропагандистские материалы по вовлечению работниц и крестьянок в кооперативное строительство. Так, в 1922 г. констатировалось, что «для мужчины потребительская кооперация только средство уменьшить свои расходы, для женщины — она путь к ее освобождению от домашних тягот»⁹.

Крестьяне понимали, что при успешном развитии кооперации существует реальная возможность справиться с инфляцией. Потенциал коллективного труда создавал эффект экономического масштаба, сокращал издержки труда, материальных запасов. Так, 10 августа 1920 г. состоялась конференция беспартийных крестьян Юдиновской волости Стародубского уезда. Участники конференции пришли к выводу, что «спекуляция есть самый худший враг крестьянина, т. к. ему фактически приходится содержать два штата посредников распределения: кооперативный союз и спекулянты... В результате постановили: считать спекуляцию

вредной, необходимо чтобы все товары и продукты попадали не к спекулянтам, а в кооперативы для распределения между населением. Кооперативы необходимо пересоздать, чтобы они могли справиться с этой работой, для чего посадить туда хороших работников из крестьян и рабочих и постараться дать через кооператив в первую очередь соль по 2–3 фунта на душу в месяц и в итоге спекуляция умрет»¹⁰. Предлагалось простое решение вечной и старой как мир проблемы и, конечно, решить ее, в силу различных причин, не удалось.

Идея развития кооперации в 1920-е гг. получала в деревне Западного региона поддержку у крестьянства. Ментальные принципы крестьянства совпадали с вектором и сущностью кооперативных ценностей. Например, в Калужской губернии крестьяне активно организовывали кооперативы, пытаясь таким образом повысить свой уровень жизни. Так, «1 ноября 1921 г. небольшая группа сознательных крестьян организовала в Угодском заводе сельскохозяйственное товарищество, которое в первый же год охватило 12 близ расположенных деревень... В результате Угодско-Заводское товарищество стало лучшим в Калужской губернии и одним из первых в республике. ... Угодско-Заводской район — скотоводческий, и первой задачей товарищества было дать возможность крестьянам должным образом поставить свое скотоводческое хозяйство... В итоге товарищество оказывает помощь крестьянам-членам денежными ссудами, был открыт ряд предприятий: электрическая станция на 56 л. с., мельница..., просорушка..., крупорушка, производство дегтя, скипидара, выделяется колесный обод, товарищество имеет кирпичный завод и добывает известь»¹¹.

Кооперация поступательно занимала важные позиции в аграрной сфере Западного региона, что свидетельствует о ее популярности. Так, в кратком обзоре экономического положения Калужской губернии за февраль 1923 г. указывалось, что «как сам аппарат потребительской кооперации, так и деятельность его все время развивается. ...Перевыборы по первичным кооперативам в настоящее время в большинстве районов уже закончены. Выборная кампания проходит чрезвычайно успешно. В некоторых районах на собрания являются почти все 100 % избирателей, которые проявляют живейший интерес к кооперации. ...В большинстве голосуется общий список кандидатов. Паевой взнос в большинстве ЕПО устанавливается в 20 ф. ржи, в некоторых 1 рубль золотом»¹².

Однако дальнейшее развитие показало, что развитие кооперативного движения осложнялось различными факторами, одним из которых был недостаток подготовленных кадров. Так, в архивных материалах за 1923 г. по Брянской губернии о роли потребительской кооперации наряду с достижениями отмечалось, что «нужно выбирать честных товарищей, могущих разбираться в кооперативной работе»¹³. Кадровый вопрос приобретал особую значимость в условиях развития НЭПа и пропаганды рыночных ценностей. Но малограмотность и отсутствие опыта деятельности крестьянства в условиях рыночной конкуренции создавали прецеденты «нерыночного поведения» в условиях сохранявшихся административных структур власти. Весьма характерным является случай, произошедший в Сухини-

ческом союзе кооперативов Калужской губернии в 1925 г.: «По постановлению Правления Россельбанка Сухиническому кредсельсоюзу был открыт кредит в сумме 40 000 рублей. Низовая сеть Сухинической сельскохозяйственной кооперации, осаждаемая крестьянством, с нетерпением ждала от своего союза денег на кредитование своих членов. Но низовая сеть предполагает, а Сухинический союз располагает. Отпущенный для Сухинического союза кредит Россельбанк перевел на текущий счет Губсельбанка для выдачи союзу. Время шло и сорок тысяч, как одна копеечка, мирно покоились в банковском сейфе. Где-то какие-то пайщики на что-то надеялись, где-то шли очень горячие разговоры о столбовой дорожке к социализму. А сельсоюзные правленцы пальцем о палец не ударили для того, чтобы получить им же принадлежащие деньги»¹⁴.

Кооперация фактически не была самостоятельной структурой, хотя на практике должна была играть стимулирующую роль в развитии самостоятельной предприимчивости крестьянского населения. Можно согласиться с И. С. Кузнецовым в том, что «фактически к концу 20-х гг. под названием кооперации действовала бюрократизированная, огосударственная структура, которая могла лишь отталкивать крестьян»¹⁵.

Наиболее ярко иллюстрируют отношение деревни к кооперативным структурам крестьянские письма. В данных материалах развитие кооперации оценивалось разнопланово — как положительно, так и отрицательно. В частности, крестьянин П. Заикин (дер. Гаськово Веинской волости Козельского уезда Калужской губернии) был настроен пессимистично, но надеялся на позитивное развитие событий: «У нас с начала революции был организован кооператив и существовал до 1920 г. и в это время были многолавки. В 1920 г. кооперация лопнула и в настоящее время трудно организовать. Крестьяне говорят, что у нас была кооперация, она провалилась и теперь провалится и спрашивать с некого. Но надеюсь, в будущем кооперацию организуют»¹⁶.

Крестьянин В. П. Никитин (п/о Лучеса, Смоленская губерния и уезд, Починковской волости, дер. Чепищево) информировал о успешной деятельности кооперации: «За 50 верст от города, за 12 верст от железной дороги, на глухих Чепищевских хуторах в 1919 г. было организовано сельскохозяйственное товарищество крестьянином бедняком Т. П. Кондратенковым. Эта кооперация задалась сразу целью оборудовать прокатный пункт. ...Также и лавка есть и себя оправдывает, и крестьянину не нужно за плугом ехать 50 верст в город, что стоит ему 5 руб. Да за плуг ту же цену заплатить и качества не такого, значит и тут крестьянин выиграет полплуга. ...За один год функционирования наша кооперация дала чистой прибыли 360 руб. Крестьяне нашей кооперацией довольны... только кооперация скрепит союз рабочих и крестьян»¹⁷. Очевидно, что действительно кооперативные организации помогали крестьянству улучшить свое экономическое положение. Однако реальная ситуация была сложнее, и оценивать развитие кооперации только положительно, по крайней мере, не совсем объективно.

Особую роль во внутридеревенских отношениях играла зажиточная часть деревни. В социально-экономической ткани НЭПа данные экономические субъекты занимали весьма существенное место. Так, из Брянской губернии по поводу кооперации в 1925 г. пришло письмо «Подставляет ногу кулаку» от Сокола (крестьянин В. И. Жуков — село Мокрое, Брянской губернии, Бежицкого уезда, деревня Лазинки): «Петровское сельскохозяйственное кооперативное товарищество выполнило свою задачу. Выросло, окрепло, капитал за год увеличился в несколько раз и побил частную торговлю по всем швам. ...Крестьянам на кооперативной мельнице размол зерна приходится дешевле, пайщики платят дешевле, чем не пайщики да плюс к тому же зерно размалывается на кооперативной мельнице гораздо лучше, чем на мельницах частных владельцев»¹⁸.

Наряду с положительными отзывами, конечно, отмечались и негативные стороны деятельности, проводилось сравнение кооперации 1920-х гг. с дореволюционным периодом ее развития. Как правило, результаты данного сравнения были не в пользу кооперации первого постреволюционного десятилетия. Так, архивные материалы фонда «Крестьянской газеты» по Калужской губернии за 1925 г. содержат про кооперацию частушки весьма нелицеприятного содержания:

«Братцы, песня в том же духе,
Кооперация протухла,
Скоро будем хоронить,
Если дела не взвинтить.
Есть деньжонки, нет товара,
Всё в Щелканове продали,
И не пайщик, и пайщик,
Всё бери один мужик»¹⁹.

Недостатки, причем часто системные, в деятельности кооперативных организаций приводили к тому, что по отношению к ним высказывалось много критических замечаний. Так, 2 августа 1928 г. состоялось расширенное заседание трех сельских советов Брянской губернии — Ярыгинского, Черниковского, Михалкинского, на котором преобладали негативные оценки работы кооперации. Например, «Голубов Петр, член ВЛКСМ высказал мнение о том, что у нас никуда негодно поставлено дело с мясозаготовками. Во главе этого дела стоят просолы и зажиточные, делят все заработанное пополам с правлением и убивают цены на крестьянский продукт. Между тем, как это дело можно было бы поставить иным путем, на комиссионных началах. Боков Дмитрий, середняк поддержал его в том смысле, что кооперация опять нас обманула, брала задатки на покупку хлеба, а хлеба нам не дала по той цене, за которую брала задаток, а привезла нам хлеба на задатки коммерческого завода»²⁰.

Кроме того, несмотря на поддержку беднейшего населения властью, в реальности за нее приходилось дорого платить. Так, 21–22 февраля 1926 г. состоялся 16-й Стародубский волостной съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов, на котором в числе прочих был заслушан доклад о состоянии сельскохозяйственной и потребительской кооперации и ее задачах (тов. Филиппов). После доклада в прениях выступающие отмечали, что «большинство вступающих в кооперацию — это беднота, но какую пользу дает кооперация бедноте? Пользы мало, потому что бедняк, вступив пайщиком в сельскохозяйственное кредитное товарищество и если ему предоставят кредит, то на уплату такового через некоторое время ему придется продавать последнюю лошадь, вместо того, что нужно было бы приобрести другую»²¹.

В периодической печати появлялись заметки, посвященные негативным особенностям работы кредитной кооперации. Так, в 1928 г. А. Исаков (Брянская губерния) прислал сообщение «Как работает наша кредитка». Автор информировал, что «недавно рабоче-крестьянской инспекцией было проведено обследование по десяти сельскохозяйственным кооперативам Брянской губернии, ведущим кредитную работу. ...Во многих случаях бедняк не получает кредита из-за отсутствия у него хорошего (в смысле хозяйственной мощности) поручителя. Но когда поручитель имеется, бедняку приходится “благодарить” этого поручителя разного рода угощением, отработками и т. п.»²² Подобные публикации, на первый взгляд, выглядят социальным артефактом. Однако появление их в печати свидетельствует, с одной стороны, о некоторой демократизации жизни, с другой — о нарастающих противоречиях внутри кооперативной среды.

Таким образом, кооперация, как и другие сферы крестьянской жизни, подвергалась мощному идеологическому воздействию советской власти. Советская кооперация не обладала рыночным характером, а существовала для административно-командных и политических целей нового советского государства. Ее возможности не развивались в полную меру из-за того, что большинство крестьянских хозяйств были нацелены на собственное потребление, то есть носили натуральный характер.

---

¹ См.: Еременко П. Новозыбковский уезд. Пособие по краеведению для школ, изб-читален, кружков самообразования и др. Новозыбков, 1925.

² См.: Восстановление народного хозяйства Брянской губернии (1921–1925 гг.). Брянск, 1960; Очерки истории Брянской организации КПСС. 2-е изд., перераб. и доп. Тула, 1982; и др.

³ См.: Черный М. П. Желанная служба на селе. Клинцы, 1998; С людьми и для людей: Вчера, сегодня и завтра потребительской кооперации Брянской области / В. А. Кожемяко, Г. В. Бархо, В. П. Павлов, В. И. Полозов. Брянск, 2005.

⁴ См.: Малашенко И. В. Крестьянство и сельское хозяйство Брянской губернии в 1921–1925 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2005.

- ⁵ См.: *Локид В. А.* Потребительская кооперация на территории Брянской губернии в 1917–1929 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2012.
- ⁶ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 601. Л. 31–32.
- ⁷ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 347. Л. 10.
- ⁸ Государственный архив Брянской области. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 1068. Л. 11.
- ⁹ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 776. Л. 1–2.
- ¹⁰ Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 8. Л. 66.
- ¹¹ См.: Калужский край. Документы и материалы. Кн. третья (1917–1941 годы) / Сост. А. Д. Тарасова, пре-дисл. к главам В. Я. Филимонов. Тула, 1982. С. 133.
- ¹² Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 98. Л. 22, 30–31.
- ¹³ Государственный архив Брянской области. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 1649. Л. 1.
- ¹⁴ РГАЭ. Ф. 7018. Оп. 2. Д. 452. Л. 42–43.
- ¹⁵ См.: *Кузнецов И. С.* На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психо-исторические очерки). Новосибирск, 2001. С. 83.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 311. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Д. 599. Л. 6–6 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 164. Л. 5–5 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 300. Л. 112.
- ²⁰ Государственный архив Брянской области. Ф. П-5. Оп. 1. Д. 761. Л. 6–7.
- ²¹ Там же. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 215. Л. 1, 14.
- ²² См.: *Новая деревня.* Двухнедельный научно-популярный иллюстрированный журнал для земледельцев. 1928. № 8. С. 41.

УДК 94 (47): 374.7

Кулачков В. В. Восприятие деятельности кооперативных организаций крестьянством Западного региона России в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 56–63.

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена рассмотрению особенностей восприятия крестьянством Западного региона России 1920-х гг. деятельности кооперативных организаций. Специфика отношения жителей деревни к кооперации изучается автором на архивном материале Брянской, Смоленской и Калужской губерний, что способствует объективности и достоверности итоговых научных выводов и умозаключений. Необходимо отметить, что в указанный период кооперативные организации постепенно превращались в часть советского государственного механизма. Это выражалось практически в полном подчинении кооперации государственным структурам и отсутствию реального контроля со стороны населения. Несмотря на это, планы развития кооперативных структур в 1920-е гг. получали в деревне Западного региона опору и достаточно сильную поддержку. В крестьянских письмах часто отмечались примеры успешной деятельности дореволюционных кооперативных организаций, продолжающих успешно работать и в советское время. Позитивное влияние на развитие кооперации оказывало и усиление женской общественной активности, которое было характерным явлением для 1920-х гг. Как правило, крестьяне понимали и оценивали деятельность кооперации позитивно, однако негативные отзывы также имели место. В большинстве случаев они были связаны с недостаточной эффективностью работы в плане конкуренции с частной торговлей и борьбе с инфляцией. В реальной жизни государственные кооперативные структуры часто проигрывали экономическое соревнование с индивидуальными торговцами. Кроме этого, недовольство крестьян вызывало преобладание административно-командных тенденций в управлении кооперативными организациями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: крестьянство, Западный регион России, кооперативные организации, конкуренция, эффективность, спекуляция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, Брянская государственная инженерно-технологическая академия (Брянск, Россия); vad2517@yandex.ru

---

Kulachkov V. V. Cooperative Organizations and the Perception of its Activity by the Peasantry of Western Russia in the 1920s

ABSTRACT: The article is devoted to the perception of cooperative organizations by the peasantry of Western Russia in the 1920s. The characteristics of villagers' attitudes to cooperation are studied by the author using archival material of the Bryansk, Kaluga and Smolensk gubernias, which contributes to the objectivity and credibility of the outcome of scientific conclusions and inferences. It should be noted that in the given period, cooperative organizations gradually became a part of the Soviet state machinery. This was expressed in the almost total subordination of cooperations to government structures and in the lack of real control from the side of the population. Despite this, the plans for the development of cooperative structures in the 1920s found notable support in the villages of the Western region. In letters, peasants often noted the successes of the pre-revolutionary cooperative organizations, which continued to work successfully in Soviet times. A positive influence on the development of cooperation was provided by the increasing public role of women in society, which was common for the 1920s. As a rule, the peasants understood and evaluated the cooperation in a positive light, but there were also negative reviews. In most cases, they were associated with a lack of efficiency in terms of competition with private trading and combating inflation. In real life state cooperative structures were often less economically competitive than private traders. In addition, the peasants expressed dissatisfaction with the predominance of administrative-command trends in the management of cooperative organizations.

KEYWORDS: Peasantry, Western region of Russia, cooperative organizations, competition, efficiency, speculation.

AUTHOR: Candidate in History, Associate Professor, Bryansk State Engineering-Technological Academy (Bryansk, Russia); vad2517@yandex.ru

REFERENCES:

- ¹ Eremenko P. *Novozybkovskii uezd. Posobie po kraevedeniiu dlia shkol, izb-chitalen, kruzhek samoobrazovaniia i dr.* (Novozybkov, 1925).
- ² *Vosstanovlenie narodnogo khoziaistva Brianskoj gubernii (1921–1925 gg.)* (Briansk, 1960).
- ³ *Ocherki istorii Brianskoj organizatscii KPSS* (Tula, 1982).
- ⁴ Chernyi M. P. *Zhelannaia sluzhba na sele* (Klintcy, 1998).
- ⁵ *S liudmi i dlia liudei: Vchera, segodnia i zavtra potrebitelskoj kooperatsii Brianskoj oblasti*, Ed. by V. A. Kozhemiako, G. V. Barkho, V. P. Pavlov, V. I. Polozov (Briansk, 2005).
- ⁶ Malashenko I. V. *'Krestianstvo i selskoe khoziaistvo Brianskoj gubernii v 1921–1925 gg.'* (Diss. cand. of History, Briansk, 2005).
- ⁷ Pokid V. A. *'Potrebitelskaia kooperatsiia na territorii Brianskoj gubernii v 1917–1929 gg.'* (Diss. cand. of History, Briansk, 2012).
- ⁸ *Kaluzhskii krai. Dokumenty i materialy. Book 3 (1917–1941)*, Compiled by A. D. Tarasova, Comm. V. Ia. Filimonov (Tula, 1982).
- ⁹ Kuznetsov I. S. *Na puti k "velikomu perelomu". Liudi i nrvy sibirskoi derevni 1920-kh gg. (Psikhoistoricheskie ocherki)* (Novosibirsk, 2001).
- ¹⁰ *Novaia derevnia. Dvukhnedelnyi nauchno-populiarnyi illiustrirovannyi zhurnal dlia zemledeltcev*, no. 8 (1928).